

доверие присутствующих к демонстрируемым ситуациям и представленным речевым оценкам.

ЛИТЕРАТУРА

Анипкина Л.Н. Оценочные высказывания в прагматическом аспекте // Филол. науки. М., 2000. № 2. С. 58 – 65.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237 – 280.

Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 23 – 42.

Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка: язык речевых действий. М., 1994. С. 49 – 59.

Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 45 – 69.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2006.

Орлова Н.В. Этические оценки // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки. Ч. 1. Омск, 2000. С. 47 – 57.

Серебрякова Р.В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002.

Хэар Р.М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 183 – 195.

Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88 – 99.

И.М. Гольберг

ПРИСОБАЧИТЬ И НАКОЛБАСИТЬ, ИЛИ К ВОПРОСУ ОБ ЭКСПРЕССИВНОЙ МОТИВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена проблеме семантической выводимости слов типа *присобачить* (например: *Зачем ты ручку такую к двери присобачил?*).

Особенность этого и подобных ему слов состоит в следующем. Формально *присобачить* соотносится с лексемой *собака*, так что можно было бы говорить о словообразовательной паре *собак-(а) → при-собач-и-(ть)*. Однако, как известно, отношения производящего (*собака*) и производного (*присобачить*) должны характеризоваться не только формальной, но и смысловой выводимостью. Семантическую же связь между существительным *собака* и глаголом *присобачить* установить достаточно сложно. Таких слов в русском языке немало, например:

за-собач-и-ть (*Сумку под кровать засобачила – теперь достать не могу!*);

на-колбас-и-ть (*Она в этой статье такое наколбасила!*);

за-пузыр-и-ть (*Варенье в мороженое запузырь – мне нравится...*);

за-пузыр-и-ть-ся (*Давай к тебе домой запузырится – поболтаем...*);

за-санда-и-ть (Куда ты тапочки засандалил?);
колбас-и-ть-ся (В субботу на дискотеке всю ночь колбасились...);
с-капуст-и-ть-ся (Что-то совсем он скапустился: скучает, не ходит
 никуда...);
вы-комар-ива-ть (Сестра в последнее время такое выкомаривает!);
о-фонар-е-ть (Я как платье увидела – офонарела!);
у-щуч-и-ть (Все проверяешь - ущучить меня хочешь!);
объ-егор-и-ть (Они тебя объегорили, а ты всё им веришь...);
под-кузьм-и-ть (Все-таки подкузьмил он мне!);
на-лимон-и-ть-ся (А дружок его вчера так налимонился, что до дома
 дойти не смог...);
раз-лимон-и-ть-ся (Вижу ты совсем разлимонился, возьми себя в ру-
 ки...);
рас-сироп-и-ть-ся (Она комплиментов наслушалась... и все – рассу-
 ропилась...) и т. д.

Большинство подобных лексем являются стилистически маркированными и функционируют в основном в таких подсистемах, как аргументация и просторечие. Например, в Малом академическом словаре из всех перечисленных нами слов зафиксированы лишь три. Два с пометой «прост.» (просторечное): *объегорить* [МАС], *подкузьмить* (с В.п.!), и одно с пометой «груб. прост.» (грубое просторечное): *присобачить*.

Следует также отметить, что среди таких лексем присутствуют слова разных словообразовательных типов, так что в каждом конкретном случае мы имеем дело с определенным деривационным значением. Однако в данной статье нас интересуют подобные образования не как представители тех или иных типов словообразования, а как класс слов, объединенных, с нашей точки зрения, определенной спецификой, заключающейся в особых отношениях с «мотивирующими».

Как уже было отмечено, каждый из этих глаголов по форме соотносится с «производящим» существительным: *колбас-(а) → на-колбас-и-(ть)*; *пузырь-(ø) → за-пузыр-и-(ть)*; *капуст-(а) → с-капуст-и-(ть)-ся*; *сироп-(ø) → рас-сироп-и-(ть)-ся*; *Егор-(ø) → объ-егор-и-(ть)* и т. д. Но можно ли в этих случаях говорить о полноценной словообразовательной паре?

Вопрос о статусе отношений между словами в парах типа *собак-(а) → при-собач-и-(ть)* не раз поднимался в работах, посвященных проблемам словообразования. Так, Н.А. Янко-Триницкая полагала, что на синхронном уровне лексемы данного типа однозначно непродеривированы, а корневые морфемы в словах *собака* и *присобачить* являются омонимами. И.С. Ширшов также охарактеризовал такие лексемы как немотивированные [Ширшов 1995: 47]. М. Раммельмайер называл подобные отношения формальной мотивацией, О.П. Ермакова и Е.А. Земская – условной мотивацией, И.С. Улуханов – экспрессивной [см. об этом подробно: Улуханов 1992: 87]. Н.А. Николина предлагает рассматривать такие случаи как один из видов ассоциативной (ассоциативно-образной) мотивации [см., например, Николина 2002: 497].

Таким образом, даже не углубляясь в историю вопроса, можно утверждать, что единого мнения по этой проблеме в лингвистике не существует.

В настоящей работе мы также сделаем попытку выяснить, производны ли слова *присобачить*, *наколбасить* и т. д.? При этом, решая проблему мотивированности таких лексических единиц, их следует отграничить от некоторых групп слов, которые, на первый взгляд, могли бы стоять в этом ряду.

Во-первых, анализируемые слова нужно отличать от таких дериватов, как *насобачиться* (*Я пирожки делать так насобачилась – самой приятно...*) и *скопытиться* (*А сосед мой болел, болел... и все – скопытился...*). В парах *собак-(а) → на-собач-и-(ть)-ся*; *копыт-(о) → с-копыт-и-(ть)-ся* мы, скорее всего, имеем дело с расхождением формальной и смысловой производности, поскольку значения слов *насобачиться* и *скопытиться* явно связаны с существующими в русском языке фразеологизмами *собаку съест* («иметь большой опыт в чем-либо») и *отбросить копыта* («умереть»).

Во-вторых, их следует отграничить от производных типа *проворонить*, *прошляпить*, *ишачить*, которые однозначно соотносятся с производящими основами не только формально, но и семантически. Так, в парах *ворон-(а) → про-ворон-и-(ть)*; *шляп-(а) → про-шляп-и-(ть)*; *ишак-(о) → ишач-и-(ть)* значение производных базируется на переносном значении слов *ворона* («рассеянный человек»), *шляпа* («растяпа»), *ишак* («человек, который много и тяжело работает») [о типах мотивации см., например, Земская 1981; Улуханов 1992; Шишов 1995].

В-третьих, лексемы типа *присобачить* отличаются от таких дериватов, как *собачиться*, *набычиться*, *осоветь*, *окрыситься*, и т. д., у которых связь между производящим и производным также очевидна: *собак-(о) → собач-и-(ть)-ся* («переругиваться, как это часто делают **собаки**»); *бык-(о) → на-быч-и-(ть)-ся* («насупиться, склонив голову, подобно **быку**»); *сов-(а) → о-сов-е-(ть)* («задремать днем, как это обычно делают **совы**»); *крыс-(а) → о-крыс-и-(ть)-ся* («вести себя зло и агрессивно, как часто ведут себя **крысы**»).

В отличие от рассмотренных выше групп производных, *присобачить*, *засобачить*, *наколбасить* и т. п., кажется, никак семантически не соотносятся с теми словами, с которыми могут быть формально сопоставлены. Действительно, как связаны (пусть даже на ассоциативно-образном уровне) *колбаса* и *наколбасить*, *собака* и *присобачить*?

Однако мы полагаем, что эта связь существует. Доказательством служит тот факт, что в сознании носителя языка описываемые слова все же однозначно соотносятся с «производящими» основами. Более того, именно такая соотнесенность, «выводимость» слов типа *присобачить* придает каждой из этих лексем неповторимую яркость и выразительность. Объясняя этот феномен, И.С. Улуханов писал: «*Присобачить* и *наколбасить* сохраняют лишь **экспрессивную** (выделено мной. – И.Г.), но не семантическую связь со словами *собака*, *колбаса*...» [Улуханов 2001: 78 – 79]. Но возможна ли ситуация, при которой между словами, соотносимыми по форме, существует «экспрессивная связь», а лексемы при этом никакого отношения друг к другу не имеют? На наш взгляд, нет.

Конечно, в словах *собака*, *колбаса* и т. д. экспрессивность – лишь элемент коннотации (ср., например, слово *подлец*, где экспрессия является

компонентом лексического значения)¹. И хотя большинство современных ученых считают, что коннотации не входят непосредственно в толкование лексемы, именно коннотативные компоненты во многом определяют особенности функционирования слова в языке, его связи с другими лексическими единицами [Иорданская, Мельчук 1980; Апресян 1995; Апресян 2006]. Так, существование в русском языке глагола *школьничать* («шалить, ребячиться») возможно благодаря наличию соответствующего компонента в коннотации слова *школьник*. Таким образом, через языковые связи «высвечиваются» те или иные коннотативные элементы (в том числе и латентная экспрессивность), свойственные лексеме.

На наш взгляд, наличие латентной экспрессивности у таких слов, как, например, *собака*, *колбаса*, и делает возможным существование производных *присобачить* и *наколбасить*, в которых экспрессия уже реализуется как компонент лексического значения. Иными словами, латентная экспрессивность позволяет некоторым словам русского языка становиться производящей базой для таких образований, как *присобачить*, *наколбасить* и т. д. И чем выше потенциал этого компонента у слова, тем большее число «экспрессивных» дериватов оно порождает.

Такая мотивация в чем-то сходна с ассоциативной (ассоциативная мотивация характерна для дериватов типа *школьничать*), но ставить в один ряд и объединять эти два вида все же не стоит, поскольку экспрессивный компонент – компонент особый.

Безусловно, проблема требует еще серьезного анализа, но в качестве гипотезы можно выдвинуть предположение, что в данном случае мы действительно имеем дело еще с одним типом мотивации, отличным от переносной, метафорической и ассоциативной, которую правомерно называть экспрессивной.

На этом основании, на наш взгляд, и соотносятся друг с другом производящее и производное в парах *собак-(а) → присобачить*, *собак-(а) → засобач-и-(ть)*, *колбас-(а) → на-колбас-и-(ть)*, *лимон → раз-лимон-и-(ть)-ся*.

Особый интерес вызывает также вопрос, от чего именно зависит наличие/отсутствие латентного экспрессивного компонента у тех или иных лексем. Почему можно, например, *наколбасить*, а **наколлетить* (*коллета*) нельзя? Почему есть слово *присобачить*, а **прикошачить* (*кошка*) – нет? Ответы на эти и подобные вопросы могут дать ценную информацию не только для специалистов в области словообразования, но и для тех, кто изучает особенности русской языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

---

¹ Под коннотацией лексемы мы понимаем «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995: 159].

Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.

Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981.

Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Коннотации в лингвистической семантике // Wiener Slawistischer Almanach, 1980. Bd. 6. С. 191 – 210.

МАС: Словарь русского языка: В 4 т. М., 1999.

Николина Н.А. Словообразование // Современный русский язык. М., 2002.

Улуханов И.С. О степенях словообразовательной мотивированности слов // Вопр. языкознания. 1992. № 5. С. 74 – 89.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 2001.

Ширинов И.А. Типы словообразовательной мотивированности // Филол. науки. 1995. № 1. С. 41 – 54.

Т.В. Казакова

ПОЛЯРНОСТЬ ПРЕДИКАТОВ В РУССКОМ ДУХОВНОМ СТИХЕ О ЕГОРИИ ХРАБРОМ

Русский фольклор не может быть признан целостным и органичным без такого явления, как духовные стихи. Система устного народного творчества очень сложна и противоречива, и одной из причин этого – постоянное взаимопроникновение жанров, их контакты друг с другом. Духовный стих в процессе своего развития вообрал в себя много особенностей не только библейских легенд и апокрифов, от которых ведет свое начало, но иногда также может содержать некоторые приемы заговоров, былин и других жанров фольклора.

Любой духовный стих, какого бы происхождения он ни был и как бы ни изменился в процессе своей эволюции, имеет главную семантическую характеристику – определенную ценностную ориентацию [Никитина 1993: 55]. Будучи посредником между книжной христианской и устной народной культурой, духовный стих содержит в себе данный в мельчайших подробностях моральный кодекс народа. Следовательно, как система назидательных наставлений и поучений, тексты этого жанра несут уже в своей природе определенную полярность – верх и низ, тёмное и светлое. Между ними – земное, человеческое с высоким и низким, светом и тьмой. Эта полярность – свойство христианской культуры в целом, где противником Бога всегда был Дьявол, а Душа совершала выбор между ними, выбор жизненного пути. Таким образом, каждый духовный стих также отражает эту особенность – в любом стихе определенно выделяются два полюса: «+» и «-», а между ними – некоторый промежуток, так называемое «поле выбора», в котором и находится человек и его душа.

Однако существует некоторое количество духовных стихов, в которых «поле выбора» практически не выражено. К таким текстам можно отне-